

В Монастыре Великого Громового Удара неостановимо раздавался звон колокола. Это был сигнал для приветствия гостей.

Таская старейшину деревни по горе, Цинь Му увидел, как гордый Жулай повёл монахов навстречу гостям. В этот миг юноша слегка смутился. Холодный, но всё равно согревающий его сердце, Ма Ваншэнь всё-таки согласился стать Жулаем Монастыря Великого Громового Удара, Буддой.

Старый Ма так и не смог забыть о месте, в котором вырос несмотря на то, что собратья-монахи убили его семью и детей. В конце концов это было сделано не по приказу Жулая, а по воле монахов.

Он был учеником старого Жулая, поэтому они отлично знали друг друга. Из-за своего возраста старик уже был не в силах контролировать своих подданных, и в результате Архаты Обители Архатов спустились с горы вместе с другими монахами, отобрав жизнь детей и жены старого Ма.

Старый Жулая отрубил свою руку, отдав её ученику в качестве извинения. Несмотря на то, что подобный жест не смог успокоить ненависть в его сердце, ему всё равно пришлось принять рясу своего учителя. Нельзя было позволить Монастырю Великого Громового Удара кануть в небытие таким бесславным образом.

Когда Ма вернулся на родину и впервые сел на трон Жулая, поднялся ветер, отправивший облака лазурного цвета в его сторону. Когда буря утихла, он достиг истинного просветления, достигая последнего неба Махаяны Сутры Жулая и успешно познав Брахму.

Между Сакрой и Брахмой был момент просветления, своего рода пробуждение.

Стоя на золотой вершине Монастыря Великого Громового Удара, Цинь Му посмотрел на старого Ма, который когда-то учил его быть взрослым, и с которым у него была сильная эмоциональная связь.

— Старший брат, — поздоровался он.

Жулай Монастыря Великого Громового Удара совершенствовался до самой высокой области, области Брахмы. Его физическое тело, дух и татхата достигли идеала, отчего позади него сформировались двадцать небес, на которых в позе лотоса сидел Брахма, окружённый богами и дьяволами всевозможных форм, сияя, будто дневное солнце, и выглядя святым и милосердным.

— Старший брат, — поздоровался в ответ Ма.

Лицо Цинь Му помрачнело. Теперь, когда старый Ма занял новое место, он перестал быть старым Ма из прошлого, — он стал Жулаем. Старик был вынужден забыть о своих мирских делах, четыре элемента были для него просто суетой.

Одноногий всё ещё был вместе с ним. Несмотря на то, что, по его словам, старик собирался лишь посмотреть на церемонию, на самом деле он сильно волновался о безопасности Ма. Он боялся, что монахи Монастыря Великого Громового Удара навредят ему.

Однако теперь, когда старый Ма достиг высшей области Махаяны Сутры Жулая, он не нуждался в защите, и одноногий думал уже совсем о другом. В Монастыре Великого Громового

Удара повсюду были сокровища, из-за чего старый мошенник с трудом держал себя в руках.

Он так и думал о том, чтобы что-нибудь стащить, но понимал, что последствия подобного поступка будут не слишком хорошими. Поэтому, встретив Цинь Му и старейшину, старик сразу решил, что нужно покидать это место.

Поначалу, Цинь Му планировал остаться здесь на несколько дней, но с наступлением ночи увидел яркий свет, сверкающий на севере возле Перевала Цинмэнь. Учитывая яркость вспышек, было очевидно, что там разразилась ожесточённая битва.

Неподалёку от перевала находилась Долина Призраков, в которой жили две летучих мыши. Это место было совсем недалеко от Монастыря Великого Громового Удара.

— Когда я встретил старого Ма, тот был самым известным констеблем мира по прозвищу Божественный Констебль Ма. Тогда он почти меня арестовал, — одноногий посмотрел в сторону сверкающей золотом вершины горы Сумеру, из которой раздавалось буддистское пение. Оно материализовалось, принимая облик лотосов и будд, окруживших священную землю по кругу.

Впадая в оцепенение, одноногий тихо продолжил:

— Он много раз меня ловил, и мы с ним часто бились. Из всех людей я больше всего боялся и уважал именно его... В детстве я был сиротой, не имея ничего за спиной, единственное, что мне оставалось — это просить милостыню. Когда голод становился невыносимым, я начинал воровать. Приходилось быть крайне осторожным, так как я был худым и хрупким, и не мог себя защитить... Спустя некоторое время, меня арестовал старый констебль. Он не стал отдавать меня властям, а просто заставил завязать с воровством. Старик обучил меня многим искусствам, будучи для меня как отец. Блуждая вместе с ним, я мечтал о том, что тоже стану констеблем. Старый Ма напоминает мне о нём, особенно, когда злится...

Молча сидя на спине цилиня, Цинь Му вместе со старейшиной внимательно слушали рассказ одноногого.

— У меня не было отца, поэтому я всегда воспринимал старого констебля, как папу. В то время, когда мы были вместе, я был очень трудолюбивым и счастливым. Но в один прекрасный день, старика не стало, — глаза одноногого оторвались от вершины горы, его голос успокоился. — Посреди ночи старика нашли его враги. Я спал, когда проснулся от внезапных криков. Он ворвался в мою комнату, в спешке меня прогоняя: “Дитя, будь добрым человеком... Беги!”. Я сбежал голышом, не успев даже одеться. Я бежал, пока моя скорость становилась всё выше и выше, выше и выше. Сколько бы я не звал на помощь, никто так и не откликнулся...

Худой, хрупкий, да к тому же голый мальчишка бежал, зовя на помощь, но никто так и не решился ему помочь.

Одноногий бежал всю ночь и весь день, преодолев более десяти тысяч километров. Придя в себя, он вернулся в дом старого констебля, но тот уже сравнялся с землёй. Под завалами он нашёл лишь обгорелые кости старика.

— Он хотел, чтобы я был хорошим человеком, но что с ним стало? Я не хочу быть добрым человеком! Он не хотел, чтобы я воровал, значит я буду воровать! — одиноким голосом, одноногий продолжил. — Я бежал, воруя на ходу, а моя репутация постоянно росла, и в один момент меня начали называть Богом Воров. Все сраные печати и запрещённые искусства казались мне пустым местом. Я обгонял ветер, тучи и молнии, обворовывая целый мир.

Независимо от того, насколько сильной была секта или священная земля, я всех их обворовал, — переведя дыхание, старик продолжал. — В какой-то момент я нашёл врагов старика и украл их головы. Затем я отправился отдать ему дань уважения, стать добрым человеком и завязать с воровством. Однако, к тому времени у меня выработалась привычка воровать, и как бы я не старался, ничего не выходило. Вскоре после этого я встретил старого Ма. Тот напомнил мне старого констебля, из-за чего я начал бояться и уважать его. Теперь, когда он Жулай, мне кажется, будто старый констебль превратился в будду...

Старейшина деревни высунул голову из корзины:

— Старый Ма не станет буддой. Когда он передаст свою рясу следующему Жулаю, он опять будет стариком из прошлого.

Подняв голову, одноногий всмотрелся в небо:

— Надеюсь...

Взволновано вздохнув, Цинь Му тихо проговорил:

— Старый Ма обязательно вернётся.

По дороге юноша закончил лечить Сюн Сией от отравления, и уже начал кормить её пилюлями для усиления жизненной Ци. Спустя некоторое время они наконец добрались до Долины Призраков, и две летучие мыши тут же расслабились. Повиснув на дереве, они попрощались с Цинь Му и остальными.

— Владыка, приходи поиграть, когда будет время, мы не будем тебя есть! — проговорил Фу Юйцю.

Юноша громко рассмеялся, махая им рукой. После этого близнецы в спешке полетели вглубь, радостно крича:

— Давай разбудим древних предков и попросим их родить нам парочку девиц для размножения!

— Даже если они нас послушают, девицы окажутся нашими прабабушками, как мы будем с ними спариваться? А что, если оба предка мужчины?

— Заткнись!..

Цилинь покинул долину призраков, и вскоре отряд приблизился к невероятных масштабов полю боя, разворачивающегося впереди. Леса Зоны Утиного Языка уже давно сравнялись с землёй. Несмотря на то, что эта местность растягивалась на полторы тысячи километров, все её горы и растительность исчезли, превращаясь в место сражения Империи Варварских Ди и Империи Вечного Мира!

Когда Цинь Му и остальные пришли сюда, битва как раз была в самом разгаре. Десятки тысяч солдат обеих сторон, расположившиеся на горных перевалах, мчались навстречу друг другу, исполняя свои поражающие божественные искусства. Огромные странные звери взмывали в воздух, унося с собой сотни практиков, как только те заканчивали забираться им на спину.

Внизу под гигантскими странными зверями орудовали своими мечами и ножами практики боевых искусств. Неистово несясь вперёд, они сталкивались с противником на земле, после

чего кровь и плоть заполняла небо.

Над головами странных зверей небо кишело летающими кораблями под разноцветными флагами. На протяжении долгих дней они непрерывно вели огонь из пушек, бомбардируя противника толстыми, будто бочка, струями света, которые своей разрушительной силой испаряли всё, к чему касались!

Кроме того, в воздухе вертелись бесчисленные пилюли меча и ножа, чьи лучи с лёгкостью пронзали плоть.

Часть великих шаманов Дворца Золотой Орхидеи превратились в золотых птицеголовых мутантов. Взмахивая своими крыльями и руками, они отправляли во все стороны огромное количество убийственных лучей.

На земле, в свою очередь, орудовали слогоголовые монстры, яростно мчась прямо на ряды противника.

С обеих сторон горных перевалов находились гигантские зеркала, которые светили в небо, целясь в души практиков божественных искусств. Возле них развевались огромные флаги, каждое движение которых изменяло ветер и тучи, отчего на поле боя сыпались молнии и проливной дождь.

По небу носились запряжённые гигантами облачные колесницы, оставляя за собой след из разрубленной плоти и крови.

Добравшись к границам развернувшегося поля брани, гиганты неожиданно остановились, открывая колесницы, после чего раздалось жужжание бесчисленного количества ядовитых насекомых, которые тут же закрыли собой солнце и небо, расползаясь в поисках пищи.

Золотые великие шаманы Дворца выстраивали жертвенные алтари, с помощью которых наносили какие-то заклятия, убивающие лидеров армии Вечного Мира, что служило причиной хаоса в её рядах.

Тем временем, Империя Вечного Мира отправляла отряды практиков божественных искусств меча пробивать дорогу сквозь леса и кустарники, чтобы зайти в тыл к алтарям и уничтожить шаманов.

Зрелище было поистине шокирующим. Обе стороны убили огромное количество людей, отчего поток крови превратился в реку, превращая Зону Утиного Языка в своего рода ад.

Цинь Му увидел что-то подобное впервые в жизни, его сердце чуть не выпрыгивало из груди. Это было настоящее поле боя, место, где убивали людей.

Таская на себе Сюн Ци'эр, Сюн Сиюй побледнела, тихо спрашивая:

— Как мы перейдём через эти земли? Моё совершенствование ещё не восстановилось.

Женщина восстановилась до области Небожителя, чья сила в подобных условиях была просто несущественной. На поле боя практик области Небожителя мог умереть в любой момент, столкнувшись с формацией мастеров области Семи Звёзд.

Даже сильным экспертам области Жизни и Смерти было бы сложно защититься, бездумно ворвавшись в такую битву.

Сюн Сиюй была существом уровня мастера культа и, осматривая представшую перед взором картину, её цепкий взгляд сразу заметил, что в тех местах, где собиралось более тридцати солдат, вспыхивали символы построений. Они появлялись в небе или на земле, неостановимо меняясь.

Это говорило о том, что даже не смотря на огромные размеры поля боя, построения создавались безошибочно.

Если бы кто-то по глупости запрыгнул в эту мясорубку, то тут же бы умер. Даже если первое построение не сумеет уничтожить их, следующее определённо закончит работу, как только отряд сделает несколько шагов вперёд.

Цинь Му поправил корзину на спине, когда изнутри её раздался голос старейшины:

— Просто иди вперёд. Му'эр, ты ведь владеешь Мечом Императора-Основателя, Море Крови, не так ли? Давай я тебе ещё разок покажу.

Сердце юноши вздрогнуло, когда в сторону сражения понеслись бесчисленные огни меча. В мгновение ока они окутали область между двух горных перевалов, искупав солдат в море лезвий. Извиваясь и вращаясь вокруг них, оружие не позволяло практикам сделать ни малейшего движения!

Большинство солдат, находящихся на двух перевалах, смотрели вниз, ощущая, как их волосы встают дыбом от ужаса. Всё вокруг не исчислимые расстояния превратилось в море мечей, в котором они все до единого и утонули!

— Бейте в гонги отступления! — тут же закричали люди на смотровых башнях вокруг.

Однако, все на поле боя замерли, не осмеливаясь сделать шаг. Никто из солдат не отступал, даже летающие корабли застыли в воздухе.

Любое движение стоило бы им жизни.

Если мечи двинутся, поле брани станет морем крови!

— Пришёл эксперт! — на башне Перевала Цинмэнь возник мужчина средних лет, опуская свой взгляд на цилиня, неспешно шагающего сквозь море мечей.

— Имперский Наставник! — солдаты вокруг поздоровались с женщиной на башне.